DOI: 10.35549/HR.2025.2025.55.004
Оригинальная статья / Original paper

А.В. Сарабьев

Центр арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН. г. Москва, Российская Федерация
E-mail: alsaraby@ivran.ru

К вопросу о «православном факторе» в критический год Ливанской гражданской войны

Аннотация
Как важный этап Ливанской гражданской войны рассматривается 1978 г., и автор дает свою оценку позиций православных деятелей на основании изучения собранных им документальных свидетельств и сведений, приводимых другими исследователями. Несмотря на очевидную прагматическую направленность и односторонний характер информации, представленной в документах, они весьма полезны для решения вопроса, вынесенного в заглавие. Участие православных деятелей на различных уровнях ливанской политики (в том числе высшем) дает основания для утвердительного ответа на вопрос о наличии «православного фактора» политики. Правда, он не выглядит единым и целостным: православные — как и все другие общины — не выступали с единой позиции и единым фронтом. Ливанские православные христиане были органичной частью ливанского общества и их политические позиции были различны. Они не были исключением в плане разнообразия идеологических установок — от крайне «правых» националистических до «левых» (сирианизм, панарабизм, интернационализм). Они проявляли высокую идеологическую солидарность, и при этом конфессиональная солидарность была для них далеко не

© Сарабьев А.В., 2025

на первом месте. Православные, отстаивая свои права, не выделяли свою общину среди других ни как наиболее достойную, ни как наиболее уязвимую; это не было узкоконфессиональным видением приоритетов, но вписывалось в общегражданское понимание блага страны при сохранении целостности ее социума и территории. Принадлежность ливанских православных к различным партиям и приверженность целому спектру идеологий позволяют выявить их сходство в этом отношении с представителями других ливанских конфессий. Это касается и вопроса внешних влияний, особенно сирийского, как наиболее чувствительного в тот период. Ставится и методологический вопрос о правомерности использования термина «политический конфессионализм» в качестве научного понятия применительно к ливанским событиям тех лет, когда идеология еще во многом доминировала в общественном сознании арабов.

Ключевые слова:
Ливанские православные, Ливанская гражданская война, активизм православных в Ливане, политический конфессионализм

Для цитирования:
Сарабьев А.В. К вопросу о «православном факторе» в критический год Ливанской гражданской войны // Исторический вестник. 2025. Т. 55. С. 250–275. DOI: 10.35549/HR.2025.2025.55.004

Работа выполнена в соответствии с госзаданием Института востоковедения РАН в рамках Программы фундаментальных научных исследований по направлению «Россия и Ближний Восток: исторические, политические и культурные контакты и взаимосвязи» Минобрнауки РФ и МОО «ИППО» в 2025 г.

Aleksei V. Sarabiev

Institute of Oriental Studies of Russian Academy of Sciences.
Moscow, Russian Federation.
e-mail: alsaraby@ivran.ru

On the issue of the «Orthodox factor» in the critical year of the Lebanese Civil War

Abstract

The beginning of the most tragic stage of the internal Lebanese Civil War itself, according to the author, occurred in 1978, when the lines of internal civil confrontation were revealed in full force. The author gives his assessment of the positions of Orthodox leaders of those years on the basis of studying the documentary evidence he collected and information provided by other researchers. Despite the obvious pragmatic orientation of the information presented in the documents, it is still possible to draw some conclusions and give a preliminary answer to the question posed in the title. The participation of Orthodox figures at various, including the highest levels of Lebanese politics provides grounds for an affirmative answer to the question of the existence of an «Orthodox factor» in it. True, it does not appear united and integral: the Orthodox, like, in general, other communities, did not act from a united position and a united front. Lebanese Orthodox Christians were an organic part of Lebanese society, and their political positions were very diverse. They were no exception in terms of the diversity of ideological attitudes — from the extreme «right», nationalist, to the «left» (Sirianism, Panarabism, Internationalism). They showed ideological solidarity to the greatest extent, while confessional solidarity was far from being in the first place for them. The Orthodox defending their rights did not mean that they singled out their community from among others either as the most worthy or as the most vulnerable; this was not a narrow confessional vision of priorities, but basically fit into the general civil understanding of the good for the country while maintaining the integrity of its society and territory. The fact that the Lebanese Orthodox belonged to a variety of parties and were adherents of a whole range of ideologies makes it possible to identify their similarities in this regard with representatives of other Lebanese faiths. This also applies to the issue of external influences, and especially Syrian influences as the most sensitive at that time. Once

again the methodological question arises about the legitimacy of using the term «political confessionalism» as a scientific concept in relation to the Lebanese events of those years — when ideology still largely dominated the public consciousness of the Arabs.

Keywords:
Lebanese Orthodox, Lebanese Civil War, Orthodox activism in Lebanon, political confessionalism.

For citation:
Sarabiev A.V. On the issue of the «Orthodox factor» in the critical year of the Lebanese Civil War // The Historical Reporter. 2025. Vol. LV. P. 250–275. DOI: 10.35549/HR.2025.2025.55.004

Acknowledgements
The work was carried out in accordance with the state assignment of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences within the framework of the Program «Russia and the Middle East: Historical, Political and Cultural Contacts and Interrelations» of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation and the International Public Organization «The Imperial Orthodox Palestine Society» in 2025.

Введение

Поводом для обращения к теме стала на глазах растущая актуальность темы национализма при усиленном вовлечении в текущие конфликты различных внешних сил. Так случилось, что в распоряжении автора оказались документальные материалы, касающиеся того или иного участия православных деятелей Ливана в событиях гражданской войны, а именно 1978 г. Документы представляют собой рассекреченные конфиденциальные донесения в американский Госдепартамент резидентов в Бейруте о текущей ситуации и затрагивают позиции ряда православных политиков и духовных лиц, их реакцию на происходившие тогда бурные события[1].

[1] Приводимые документы были собраны автором на протяжении нескольких лет через подписной ресурс на документы американского Цифрового архива нацио-

Год 1978-й в ходе Ливанской гражданской войны можно считать ключевым в плане окончательного оформления противостоявших друг другу лагерей. Оно шло на фоне прямого включения в вооруженный конфликт международных объединений — как региональных (например, ЛАГ), так и мировых (ООН). Их миротворческая миссия заключалась не только в размежевании конфликтующих сторон, но и принуждении вывода израильских оккупационных войск из страны. Сложнейший контекст не давал возможности ранее специально ставить вопрос о выяснении политических позиций православных и вообще о их активизме в тот период. Приводимые документы при всей их тенденциозности, как можно видеть, отчасти проливают свет на эту тему.

Коренной поворот Ливанской гражданской войны

Первым этапом Ливанской гражданской войны стал так называемый «палестинский» (апрель 1975 г. — август 1976 г.), и характерно, что этот этап в историографии до 1990-х гг. чаще всего выделяли в отдельную «войну в Ливане 1975–1976 гг.». Профессор социологии Ливанского университета Ахмад Бейдун, который оставался в Ливане на протяжении всего неспокойного периода, настаивал на определении «“двухлетней войны” 1975–1976 гг. как первой фазе долгой ливанской трагедии»[2]. Некоторые историки справедливо используют для тех событий и название «чужая война», отмечая в качестве первостепенного ее внешний фактор.

По сути это было кровавое противостояние некоторых ливанских партийных ополчений и палестинских вооруженных формирований на территории Ливана — на идеологической основе прежде всего. Помимо левых идей ее составлял и пафос борьбы всех арабов за права палестинцев, а поэтому важным поводом к обострению ситуации в Ливане стала вялая реакция на израильские налеты на большой палестинский лагерь в Набатии и приграничную деревню Кфар-Шуба в начале 1975 г., вызвавшая гнев палестинцев[3]. Их активизм натолкнулся на нервную реакцию ливанских

нальной безопасности (The Digital National Security Archive), который давно не действует (https://search-proquest-com.ezproxy.usr.shpl.ru/dnsa).

2 *Beydoun A.* Le Liban: itinéraires dans une guerre incivile. Paris: Karthala; Amman: Cermoc, 1993 (Collection «Hommes et Sociétés»). P. 82. См. также: *Тимофеев И.В.* Среди серых стен и горячей пыли... Хроника ливанской трагедии. М.: Молодая гвардия, 1984. 127 с.

3 *Chamie J.* The Lebanese Civil War: An Investigation Into the Causes // World Affairs. Vol. 139. No. 3. Winter 1976/77. P. 175–176.

ополченцев, задавшихся целью остановить «разгулявшихся» на их родине боевиков. Известные события весной 1975 г. быстро переросли во внутренний конфликт и охватили многие ливанские районы, в том числе столицу.

Дальнейшее обострение ситуации потребовало военного вмешательства вначале, в июне 1976 г., Сирии (первоначально — для защиты двух маронитских сел), а затем — в октябре 1976 г. — и других арабских стран. Созданные решением встречи на высшем уровне (главы Ливана, Сирии, Саудовской Аравии, Египта, Кувейта и Я. Арафат от Палестины) в Эр-Рияде 17 октября Межарабские силы безопасности были переименованы в Межарабские силы сдерживания (МСС), их руководителем определялся ливанский президент. Уже 25–26 октября на Каирском чрезвычайном совещании глав государств был установлен бюджет МСС, основными донорами которых стали Саудовская Аравия и Кувейт[4]. МСС были расквартированы преимущественно в долине Бекаа: штаб-квартира в Шторе, а базы в районе Райяка близ Захле, в Хермеле и Баальбеке, при этом их костяк составляли сирийцы — около 25 тыс. из 30 тыс. личного состава (в 1979 г., когда был продлен мандат МСС, из них и вовсе вывели свои контингенты КСА, ОАЭ, Судан и Ливия).

Окончание первого этапа гражданской войны охарактеризовалось перерастанием в широкое межливанское противостояние. После трагических событий первых двух лет наступил критический этап острого внутриливанского гражданского конфликта с расширением участия множества внешних сил. В начале 1978 г. бескомпромиссность фалангистов (ополченцев Катаиб) и «правых либералов» (ополчение Нумур или «ахраров» из Национально-либеральной партии) привела ситуацию к обострению: сторонники Жмайеля и Шамуна, похоже, были готовы идти до конца — вплоть до выделения христианских районов Ливана в отдельное государство.

Наряду с этим палестинские боевики активизировались в своих атаках на захваченные палестинские земли с южноливанских территорий. Как ожидаемый результат в марте началась военная операция на территории Ливана израильской армии, и с марта по июнь 1978 г. сохранялось военное присутствие израильтян в Ливане.

На этом фоне пытался сложить с себя полномочия избранный президентом в 1976 г. после Сулеймана Франжье Ильяс Саркис. Он надеялся удержать безнадежный баланс между воевавшими на территории

---

4 *Алиева С.* Палестинское движение сопротивления и арабские страны (1964–1976) / Специальный бюллетень. 1986. № 4. ИВ АН СССР / Науч. ред. В.И. Носенко. М.: Наука, 1986. С. 153.

страны и в столичных кварталах не только ливанскими ополченцами от разных партий, но и палестинскими боевиками, не всегда подчинявшимися руководству ООП, сирийскими подразделениями в составе МСС, «голубыми касками» ООН, пытавшимися обеспечить соблюдение резолюции № 425 и вывод с юга Ливана израильских оккупантов.

Очень многое в той бурлящей обстановке зависело от идеологии, определявшей сущностный характер войны. После начального этапа ливанского гражданского противостояния, который был напрямую связан с присутствием в стране палестинских боевых групп, а потому и называется «палестинским» этапом, наступил черед обостренной внутриливанской борьбы. А она шла между сторонниками условно «левых» и «правых» идей. Ливанские левые включали в себя приверженцев таких разных идеологических течений, как коммунизм, насеризм (арабский социализм), баасизм (с его арабским национализмом или арабизмом), сирианизм. Парадоксальным образом именование «левые» для этих арабов заключалось не в интернационализме, не в опоре на беднейшие слои населения (тем более не на рабочий класс). По сути своей и даже по самоопределению это были националисты (*каумийун*), но арабские (или «сирийские» — в самом широком толковании этого исторического понятия). Важно, что левый характер этих течений (кроме коммунизма, наименее всего распространенного среди арабов) был виден не в их интернационализме, а в идее социальной справедливости. Именно эта идея и роднила левые течения с аналогичной мусульманской доктриной, заложенной еще в Откровении ислама и в хадисах. И там и там предполагалась генеральная линия на общественное регулирование и перераспределение социальной помощи; и там и там осуждались показная роскошь и чрезмерная бедность как социальное зло. Отсюда — практически единый лагерь левых и мусульман, противостоявший носителям иных взглядов — принимавшим как горизонтальную социальную конкуренцию по западному образцу, так и систему покровительства (патроно-клиентельную) в вертикальных социальных отношениях.

Такой модели — иногда вкупе с заявкой на особое, «финикийское» происхождение — придерживались так называемые ливанские правые. То были националисты, далекие от арабизма. Их традиционализм проистекал из охранительной идеи историчности и плодотворности своего рода пирамидальной системы социальных связей. Глава локального клана, обладавший безграничным авторитетом и полномочиями лидера (*ка'ид*, с отчетливой конфессиональной, как правило, униатской окраской), осуществлял ощутимую социальную поддержку, но только внутри

Палестинские боевики в Ливане
Из открытых источников

своей клиентелы. Он был политическим представителем, как правило, своей партии на государственном уровне, входил в число важных представителей конфессиональной общины, но в полном смысле гарантом являлся лишь для живущих под покровительством его семьи людей. Из такого рода сторонников и земляков набирались и партийные ополчения (*милишийат*). Обязательная связь с конкретным локусом давала сходство с феодальной системой отношений — в большей степени внешнее.

Как правило, лидирующие семьи таких политических сил были маронитскими. Однако вовсе не обязательно подобные кланы входили в число ливанских «правых», выступающих со своими ополчениями против оппонентов из «левого» объединения. Для рассматриваемого года наиболее показательным исключением является маронитский клан Франжье, который окончательно порвал с Ливанским фронтом и примкнул к другому лагерю, заплатив за это высокую цену (об этом ниже).

Описанное размежевание наиболее рельефно обозначилось как раз с начала 1978 г., что и определило, как представляется, коренное изменение характера Ливанской гражданской войны. Даже при многостороннем внешнем вмешательстве (сирийский контингент, саудовские, эмиратские, суданские и другие части в составе МСС, конечно, палестинские группы, в очень разной степени подчинявшиеся ООП) конфликт в Ливане стал уже чисто внутренним. Поэтому так важен вопрос об участниках этого конфликта на данном этапе, позиции участвовавших в нем групп.

В общепринятой упрощенной схеме ливанского конфликта иногда говорят не просто о «правохристианском» лагере, противостоящем мусуль-

манским группам левого толка, но о «маронитских» партийных ополчениях. Между тем остается немало вопросов относительно участия других христианских общин, и прежде всего православных. Ведь их доля в ливанском обществе была значительной. Известно, что православные христиане составляли тогда около десятой части всех ливанцев. Точные данные приводил ливано-американский ученый Жозеф Шамийе на 1956 г.: 149 тыс. православных из 1 млн 408 тыс. всего населения Ливана, т. е. более 10%[5].

Но была ли единой позиция православных в ливанском конфликте? Имел ли место «православный фактор» в том гражданском противостоянии? Некоторые не введенные ранее в научный оборот документы той эпохи позволят внести вклад в ответы на эти вопросы, этому и посвящена статья. Несколько односторонний характер документов — а это в основном рассекреченные донесения из Ливана в Государственный департамент США — обусловлен имеющейся в распоряжении автора подборкой, которая достойна быть введенной, наконец, в круг источников.

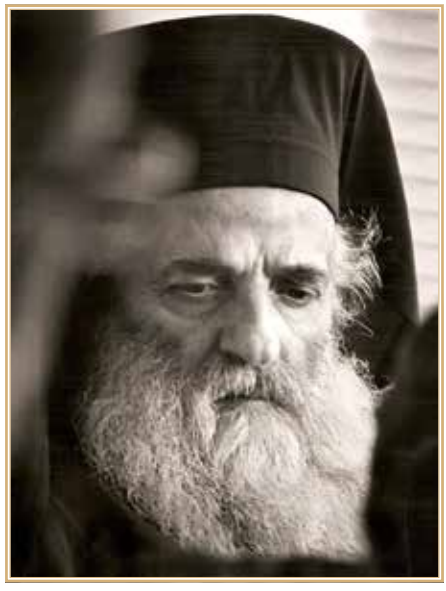
Православные в ливанской идеологической мозаике

Подобно тому как невозможно характеризовать политические позиции на тот момент в целом, например, мусульман-суннитов или христиан-маронитов, точно так же нельзя обобщить позицию в целом ливанских православных. Пожалуй, пестрота их идеологических пристрастий была даже выше, ведь они исторически оказались более дисперсно распределены по территории Ливана — от самого юга до севера, от побережья до долины Бекаа. Помимо основного района своего проживания — аграрной ливанской казы Кура с центром в Амьюне, они в большом количестве проживали в городах по всей стране — в столице, в Триполи, Сайде, Захле и др. Преданность православных какому-либо своему локальному вождю, *ка'иду*, не практиковалась в степени сколь-нибудь близкой той, что была свойственна маронитам. Православные оказывались в самых разных политических лагерях и партиях, их выбор носил скорее индивидуальный характер, нежели диктовался социальным окружением или обстоятельствами.

Хорошо известно, в частности, об участии выходцев из православной среды в руководстве такими политическими объединениями, как Партия арабского социалистического возрождения (ПАСВ, или Баас), Сирийская национал-социальная партия (СНСП), Ливанская коммунистиче-

---

5 *Chamie J.* The Lebanese... P. 174.



Илия IV
Из открытых источников

ская партия (ЛКП) — еще в период их становления. Но и впоследствии в число их лидеров входили православные. Так, с 1974 г. СНСП возглавлял православный Абдалла Сааде, а на прошедших в 1984 г. выборах в верховный совет партии вошли православные Дауд Баз, Хафиз Сайег, Масаад Хаджаль, Васим Сааде и Марван Фарис, наряду с выходцами из других религиозных общин[6]. В ЛКП во второй половине 70-х гг. в лидеры вышли воинственно настроенные коммунисты, вставшие на путь вооруженной борьбы. Среди высшего круга Компартии оказались активисты разных вероисповеданий и среди них православные Жорж Хауи и Халиль ад-Дибс[7].

В 1975 г. была образована Объединенная лига народных комитетов (*Таджамму‘ рабабит ал-лиджан аш-ша‘бийа*) — «левая» организация, выступавшая в плане идеологии за арабизм, светскость государства и отмену конфессионализма, а во внешней политике — за широкие контакты с Сирией и Ираком, при этом активно поддержавшая борьбу палестинцев с сионизмом. Среди ее основателей были и сунниты, но представители православной общины даже преобладали, это были Маан Башур, Халиль Баракат, Хабиб Зугейб, Бишара Мурхидж[8].

---

6 *Rowayheb M.G.* Lebanese Militias: A New Perspective // Middle Eastern Studies. Vol. 4. No. 2. Mar. 2006. P. 308–309.

7 Ibid. P. 306.

8 Ibid. P. 313.

Гавриил Салиби
Из открытых источников

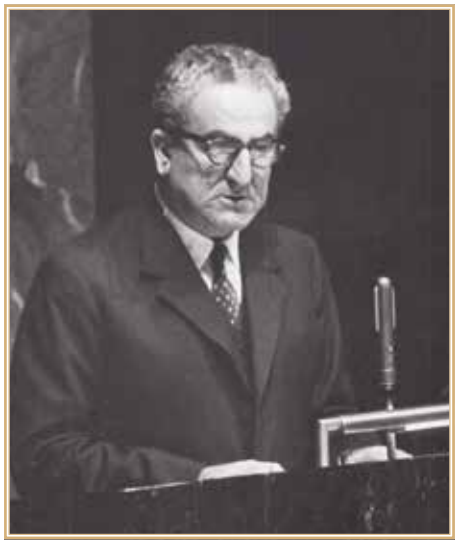
Что касается православного патриарха Илии IV Муаввада (1914–1979), главы Антиохийского патриархата с сентября 1970 г., то он сохранял добрые отношения с Русской православной церковью, бывал в Советском Союзе в январе 1972 г. и октябре 1974 г., а за свою горячую поддержку на международном уровне палестинского дела в середине 70-х гг. заслужил прозвание «патриарха арабов»[9]. Американский резидент в Бейруте передавал в июне 1977 г. интересный факт: «Источник, осведомленный об этом периоде [событиях с середины до конца 60-х гг.], сообщил сотруднику посольства, что Илия, который тогда был епископом Алеппо, был одним из прозападных епископов, сыгравших ведущую роль в противодействии этой группе при поддержке своего друга Хафеза Асада, в то время министра иностранных дел. В результате подавляющее число церковных епископов сегодня стали провосточными. Патриарх Илия сочувствует как пансирийским, так и арабским национальным устремлениям и критически относится к ливанским христианам, выступающим за отделение. Он поддерживает регулярные контакты с сирийско-националистической партией»[10].

Православные деятели, как обладавшие весомым влиянием, привлекали внимание и западных резидентов. На второй год войны в донесе-

---

9 *Аби Джабер* Д. Илия IV / Православная энциклопедия. URL: https://www.pravenc.ru/text/389377.html?ysclid=llewjkrpio308305208 (дата обращения: 21.06.2025).

10 US Department of State. Key Lebanese Personalities. 1977. June 2. Telegram (cable). Confidential (Declassified/Released 4.05.2006).



Шарль Малик
Из открытых источников

нии в американский Госдепартамент от 12 августа 1976 г. перечислялись четыре «ключевые ливанские фигуры» из православной среды, давались и их скупые характеристики: Гассан Туэйни (из Бейт-Мэри, издатель, министр труда и общественных дел, туризма, промышленности и нефти, близкий к православному архиепископу Салиби), Ильяс [Илия] Салиби, доктор Шарль Малик (из Рабийи, ведущий эксперт Касликской экспертной группы доктор Абдалла Раси (из Кфура, депутат от Аккара, зять Франжье, член парламентского Комитета по международным делам)» [11]. Что могло означать их именование «ключевыми» фигурами? Во всяком случае очевидно, что они представляли собой весомые каналы влияния и, вероятно, в этом качестве могли быть полезны, с точки зрения американцев, для склонения ситуации в выгодную для тех сторону.

Гассан Джебран Туэйни (1926–2012) был тогда очень влиятельным журналистом и политиком и интересовать американцев мог по этой причине. Он принял бразды правления газетой «Ан-Нахар» из рук своего отца и оставался главным редактором и издателем газеты с 1947 г. почти непрерывно до своей кончины. Депутат ливанского парламента с 25-летнего возраста, к моменту приводимого документа он уже побывал на таких высоких государственных постах, как заместитель главы правительства, глава ряда министерств, а вскоре стал советником пре-

[11] US Department of State. Biographic Data on Greek Orthodox Patriarch. 1976. August 12. Telegram (cable). Confidential (Declassified/Released 22.05.2009).

зидента Ливана[12]. Он был женат на Наде Хамаде из известного друзского рода из Бааклина. Отец Нады был писателем, дипломатом, а брат Марван Хамаде — известным журналистом и впоследствии министром.

Высокопреосвященный Ильяс [Илия] Салиби (1881–1977), православный архиерей, митрополит Бейрутский с 1936 г., поначалу сохранял весьма взвешенную позицию по отношению к внешним влияниям: в частности, у него были в прошлом разносторонние и многочисленные контакты с Русской православной церковью, он не раз бывал в России. Традиционно для ливанского православного владыки митрополит Бейрутский Салиби поддерживал добрые отношения не только с другими христианскими конфессиями, но и с мусульманами разных толков. Однако в середине 60-х гг. в среде православного епископата Антиохийской церкви наметилось противостояние, отражавшее в общих чертах тогдашнее мировое идеологическое противостояние. Митрополит Салиби стал, по сути, локомотивом прозападной группы иерархов, противостоял «левому» лагерю. Мнение этого опытного ливанского деятеля, посвященного во многие политические тонкости, да к тому же дружески настроенного по отношению к американцам, не могло не быть существенным для оценки ситуации на месте. Впрочем, в октябре 1977 г. он скончался, но оставил местоблюстителя — по давней, еще византийской традиции, своего племянника, епископа Гавриила Салиби.

Закономерно, что среди перечисленных деятелей оказался такой яркий «правый» активист, как Шарль Малик (1906–1987), сооснователь ЛФ. Этот политик был ярым антикоммунистом и ко времени гражданской войны имел за плечами колоссальный политический багаж в качестве посла Ливана в США, Венесуэле, на Кубе, представителя Ливана на Бандунгской конференции и в ООН, председателя 13-й сессии Генассамблеи ООН, министра образования (1955) и министра иностранных дел (1956–1958) Ливана. Он полагал, что «православные должны определить свое место и что их интересы напрямую связаны с интересами христиан в целом и, главным образом, христиан-маронитов»[13].

В политике Ливана он слыл сторонником маронитского активизма, был правой рукой президента Шамуна в период кризиса 1958 г. и единомышленником руководства партии Катаиб. В интересующий нас момент

---

[12] *Ghassan T.* American University of Beirut, Honorary Doctorates. URL: https://www.aub.edu.lb/doctorates/recipients/Pages/tueni-profile.aspx (accessed 15.07.2025).

[13] Extract from talk by Dr. Charles Malik, Minister of Lebanon in the United States: Concerning Communism: The Menace and the callenge. Confidential / CIA RDP80-01065A000100170042-3 (Declassified/Released 16.08.2001).

Бойцы Катаиб
Из открытых источников

он был в числе трех соавторов (другие двое — марониты Фуад Афрам ал-Бустани и о. Булос ан-Нааман) программы действия партии по итогам конференции, состоявшейся в январе 1977 г. в местечке Сейййидат ал-Бир. Показательно, что основные идеи этой программы (или декларации) в неизменности сохранились у маронитов до наших дней и нашли свое отражение в проекте реформ, изложенном в книге Хикмата Амаля Абу Зейда 2021 г., переведенной и изданной в России[14]. Основными пунктами той программы 1977 г. были сохранение суверенитета и защита независимости Ливана, но, главное, проводилась идея, что государству требуется коренная реформа, причем любая будущая политическая формула Ливана должна предполагать плюралистический характер страны — либо через децентрализацию, либо федерализацию. Особо подчеркивалось, что социально-политические права христиан в ходе будущей политической реформы не должны быть меньше, чем права нехристиан. В условиях Ливана этого предполагалось достичь, предоставив каждой «конфессиональной группе» автономию в управлении своей культурой, образованием, финансами и социальными вопросами[15].

У Шарля Малика — вполне согласуясь с его заслугами доктора философии и теолога — политические подходы были обрамлены философскими рассуждениями. Вот один из примеров его идей, кстати, заинтересовавших в свое время американскую разведку: «Наша свобода мыс-

[14] *Абу Зейд Х.А.* Институциональная революция в Ливане. М.: ИВ РАН, 2022.
[15] Там же. С. 312.

ли, сознания и решений абсолютно священна. Благодаря этой свободе мы соучаствуем в вечном акте творения. Заберите эту свободу у человека, и он тотчас перестанет быть им. <...> Не человеческая личность существует для общества и государства — наоборот, общество и государство существует ради человеческой личности. В истории нет ничего напрасного, и мы не можем начать все сначала. Существует настоящая положительная традиция, накопленная на протяжении четырех тысячелетий. Эта традиция правды и бытия есть самое ценное в мире»[16].

Боевое крыло ЛФ, Ливанские силы, составляли тоже далеко не только марониты. Еще в момент создания ЛС это объединение «правохристианских» ополчений возглавлял православный Уильям Хауи (1908–1976), в то время глава ополчения партии Катаиб. Он родился в семье ливанского эмигранта в Нью-Йорке, но семья через два года реэмигрировала в Бейрут. Уильяму были близки идеи ливанского национализма, поэтому еще в первые годы существования Катаиб он стал одним из ее командиров. В период г ражданской войны это был уже деятель с огромным опытом руководства борьбой за «чистоту» Ливана. Он был застрелен снайпером во время боев за лагерь Тель-Заатар в Бейруте 13 июля 1976 г., и на посту главы ЛС его сменил одиозный маронитский лидер Башир Жмайель, сумевший поставить под свой жесткий контроль целый веер разных «правых» ополчений.

Что касается ученого и политика Абдаллы Раси (1929–1994), работавшего врачом в Саудовской Аравии в 60-е гг., то его высокая политическая карьера началась с избранием его тестя Сулеймана Франжье[17] президентом Ливана в 1972 г. Доктор Раси был избран депутатом парламента и оставался им на протяжении двадцати двух лет — вплоть до своей кончины. В 80-е гг. он занимал пост главы МВД в кабинете Рашида Караме и даже пережил вместе с ним покушение, стоившее премьеру жизни.

Были в высокой политике и другие деятели, представлявшие православную общину. Одним из них был Фуад Бутрос (1917–2016), юрист по образованию, окончивший иезуитский Университет Святого Иосифа в Бейруте, возглавлявший ряд министерств еще при Фуаде Шихабе, а при президенте Саркисе вновь вошедший в правительство в качестве министра иностранных дел и зампремьера.

Другой влиятельный политик Мишель Мурр (1931–2021) был очень успешным бизнесменом, свою политическую карьеру начавшим с избрания в парламент еще в 1960 г. Он окончил тот же бейрутский университет,

---

16 Extract from talk by Dr. Charles Malik...

17 Женой Абдаллы Раси стала в 1966 г. Соня Франжье.

Пьер Жмайель
Из открытых источников

а затем получил степень по юриспруденции в Париже-2. В 60-х гг. создал успешную строительную компанию и продолжил свой бизнес в Бейруте. Недостроенная им высотка в Западном Бейруте «Мурр-тауэр» постоянно фигурировала в сводках городских боев в первом этапе Ливанской гражданской войны. Он симпатизировал СНСП, а затем поддержал Катаиб, где поначалу противостоял «просирийскому» крылу Карима Пакрадуни, а затем занял сторону командира ЛС Эли Хобейки, связанному с сирийцами. В интересующий нас период американцы в одном из своих донесений характеризовали его, как и Бутроса, в качестве «сторонника [президента] Саркиса»[18]. Несколько раз занимал пост министра связи. Через свою дочь Мирну он породнился с семьей Туэйни (вышла замуж за легендарного журналиста Джебрана Туэйни). На парламентских выборах перед войной Мишель Мурр совсем немного проиграл своему сопернику по «православной» квоте, и тогда одним из пяти депутатов от округа Метн стал Альберт Мухайбир[19] (от маронитов по Метну тогда прошел и Амин Жмайель).

---

[18] US Department of State. Capsule Biographies Of The Members Of The New Lebanese Cabinet. 1979. July 25. Telegram (cable). Confidential (Declassified/Released 20.03.2014).

[19] Elections 1972 and the Amendments (Replacements/Appointments) of 1991. The Thirteenth Parliament, Mount Lebanon Province / Liban-Vote.com. URL: http://libanvote.com/lebanese9296/election1972/Mountl/EL%20-%20METN.html (accessed 11.10.2006).

Альберт Мухайбир (1912–2002) впервые стал депутатом еще в 1957 г., затем занимал посты министра, зампремьера и зампредседателя парламента. Он слыл сторонником Камиля Шамуна и его НЛП. На выборах 1972 г. Мухайбиру помогли победить политики из другого маронитского рода, Лахудов.

Еще одной важной фигурой, которая упоминается в приводимых документах, был Мишель Маалюли (1931–2004), депутат парламента с 1972 г. Это был яркий политический деятель Ливана; сравнительно недавно опубликованы его воспоминания «События и мнения»[20]. В апреле 1978 г. он входил в парламентскую группу «Комитет тринадцати», выработавшую глубокую программную декларацию.

Был ли православный активизм?

Итак, 1978 г. начался с активизации ЛФ, с действий по консолидации рядов ЛС — объединения «правохристианских» ополчений. Их тактические успехи в столичных районах против «левых» привели к необходимости вмешаться Межарабским силам сдерживания (МСС), где первую скрипку играли сирийцы. Прямые боестолкновения в феврале 1978 г. фактически происходили между ЛС (в первую очередь ополчения Катаиб и НЛП) и сирийским контингентом. Бои перешли в кварталы Восточного Бейрута, которые условно считались «христианскими», но ожесточенность ЛС не уменьшалась.

В свою очередь палестинские отряды активизировались на юге, их действия никак не были согласованы с МСС и грозили вызвать военный ответ израильтян. Это и произошло. Поводом для израильского вторжения в Ливан стало провокационное нападение фатховцев на израильские гражданские автобусы 11 марта, эта дерзкая акция палестинского десанта с захватом заложников привела к гибели многих десятков человек. Теракт связывали с движением Египта в сторону заключения мира с Израилем: еще 19 ноября 1977 г. президент Анвар Садат был с этой целью в Иерусалиме, и ООП вполне могла пытаться таким образом накалить ситуацию с целью сорвать ход переговоров и не допустить соглашений.

Когда 14 марта последовало вторжение израильской армии в Южный Ливан, названное «Операция Литани», МСС и в первую очередь

[20] *Маалюли М.* Ахдас ва мавакиф (События и мнения). Б/м.: Нофал, 2017. (На араб. яз.)

сирийцы оказались перед необходимостью непосредственно реагировать. В донесении американского резидента от 17 марта 1978 г. сообщалось: «...Палестинцы поставили Сирию в чрезвычайно сложное положение... Палестинцы в свое оправдание говорят, что миру нужно было напомнить о роли ООП в любых мирных переговорах. Мнения о том, что делать сейчас, расходятся»[21]. В том же донесении приводится мнение некоего православного епископа Джибрана: он «периодически встречается с советником Асада по безопасности генералом Хули и считает, что лучшим и скорейшим решением является ввод миротворческих сил ООН на юге. Он считает, что ливанская армия не может настолько быстро подготовиться, чтобы обеспечить скорый вывод израильтян...»[22].

Сирийцы тогда не были втянуты в войну с Израилем: 19 марта была принята резолюция СБ ООН 425 о прекращении агрессии, выводе израильских войск из Ливана и размещении на юге страны Временных сил ООН в Ливане (ВСООНЛ). По-видимому, это было решение, желанное для сирийцев в их щекотливом положении, решение, суть которого озвучивал православный епископ еще за несколько дней до его принятия. 22 марта Израиль формально заявил о прекращении «Операции Литани», но отвел большую часть своих войск только в июне.

Весной 1978 г. активность в большой политике православных особенно рельефно проявилась в ходе обсуждения состава нового Кабинета после отставки правительства Селима Хосса 19 апреля. Обсуждались два проекта: большого правительства из 24 министров (16 министров с портфелями и еще 8 госминистров), куда вошли бы также молодые политики не из числа депутатов, и маленький Кабинет всего из шести членов (предложение Камиля Шамуна), представляющих основные конфессии. В обоих проектах предполагалось обязательное участие православного Фуада Бутроса — в качестве как минимум главы МИДа. А в первом проекте — большого Кабинета — предлагалась также кандидатура Мишеля Мурра. Кандидатуру последнего в качестве члена правительства предлагал также председатель Высшего исламского совета, суннитский политик Шафик Ваззан, полагая, что будущий кабинет министров должны составить не ливанские политические тяжеловесы, а более молодые политики (следующее поколение — например, Дани Шамун, Амин Жмайель) и те, кто связан с ведущими ополчениями, но

---

21 US Department of State. Syrians Irritated With PLO, 1978. March 17. Telegram (cable). Confidential (Declassified/Released 20.03.2014).

22 Ibid.

не входит в их руководство — например, М. Мурр, имевший авторитет у фалангистов[23].

Более того, американский резидент приводил мнение Ш. Ваззана, что роспуск С. Хоссом правительства «был вызван рядом разногласий с министром иностранных дел Ф. Бутросом, последнее из которых касалось Айн ар-Руммане: Бутрос выступал за использование государственных средств для возмещения ущерба, причиненного боевыми действиями в Айн ар-Руммане, но Хосс выступал против такого расходования средств»[24]. Сообщалось также, что Ф. Бутрос очень не хотел отставки правительства С. Хосса ввиду «риска рассогласованного политического Кабинета в качестве следствия»[25]. (Предыдущее правительство С. Хосса было составлено еще в 1976 г. как Кабинет «технократов».)

Чтобы заполнить вакуум исполнительной власти в условиях израильской оккупации, на следующий день после отставки правительства, 20 апреля был образован парламентский комитет из 13 депутатов, представляющих различные конфессиональные группы, а уже 23 апреля он принял резолюцию по текущей ситуации. Обсуждалась она тяжело, и основные расхождения были по формулировке отношения к действиям палестинцев и разоружению ополчений. Одним из членов «Комитета тринадцати» был православный Мишель Маалюли — наряду с такими политиками, как спикер парламента Камаль Асаад, экс-премьер Саиб Салам, маронитский «шейх» Пьер Жмайель и др. Важно, что среди депутатов Комитета были и сунниты, и шииты, и они поддержали консенсусные формулировки, касающиеся не только, конечно, «вывода израильских войск со всей ливанской территории», но «2) прекращения палестинских и любых других вооруженных действий на всей территории Ливана; 3) запрещения любого вооруженного присутствия, кроме присутствия сил законной ливанской власти, и применения ливанских постановлений и законов ко всем ливанцам и ко всем лицам, находящимся на ливанской территории без исключения»[26].

Следующим важным эпизодом 1978 г. стала так называемая «ихдинская резня» — убийство 13 июня сына Сулеймана Франжье Тони и его семьи. Оно явилось страшным проявлением розни внутри ЛФ, причем

---

23 US Department of State. Aftermath of Government Resignation, Part Two. 1978. April 21. Telegram (cable). Confidential (Declassified/Released 20.03.2014).

24 Ibid.

25 Ibid.

26 US Department of State. The Committee Of Thirteen. 1978. April 24. Telegram (cable). Confidential (Declassified/Released 20.03.2014).

преимущественно между маронитскими клановыми ополчениями Катаиб и Марада. Поводом к событию стали отказ фалангистов ограничить свое присутствие в североливанской вотчине клана Франжье в районе Згорты и убийство командира местного отделения Катаиб боевиками Марады. Считается, что причиной вражды Катаиб к клану Франжье стало сближение того с сирийцами и намерение выйти из ЛФ. Но усматривали и заинтересованность со стороны израильтян в столь резонансном событии с целью оттянуть программу реформирования ливанской армии и передислокации ее на юг Ливана (в общем, согласуясь с декларацией «Комитета тринадцати») вместо марионеточной Армии Южного Ливана (АЮЛ). Тогда же американский резидент сообщал, что это «имело целью отвлечь внимание ливанского правительства и Сирии, чтобы помешать отправке ливанской армии на юг. Это позволило бы израильтянам продолжать контролировать полосу безопасности через своих доверенных лиц, маронитских ополченцев [АЮЛ]»[27].

Это было мнением высокопоставленных представителей сирийской разведки Мухаммада Хули и Мухаммада Насифа, которое передавал ливанский епископ, живущий в Дамаске — по-видимому, уже упоминавшийся епископ Джибран. Приводятся и его личные мнения, в том числе о позиции православной общины, которая склонялась к поддержке просирийски настроенного клана Франжье и вновь набиравшей силу СНСП. Резидент передавал: «По его словам, практически все крупные северные политики зависят от традиционных сторонников, а не от партий. Они возмущаются Катаиб, которые маскируются под современную партию, но видят в них не более чем средство для укрепления семьи Жмайелей . Всегда было известно, что Катаиб хотела доминировать в Ливане, и все они проиграют, если Катаиб удастся расширить свое влияние дальше на север. Таким образом, Франжье могли рассчитывать на поддержку большинства православных в соседнем районе Кура, включая известную семью аль-Госн и Сирийскую националистическую партию [СНСП], которая восстанавливала свои позиции там с помощью сирийцев. Епископ также считает, что о. Шарбель Кассис[28] в первую очередь обязан своей верностью Франжье. В сложившихся обстоятельствах вовсе не исключено, что Франжье обратится за помощью к Палестине

---

[27] US Department of State. Syrian Support For Frangieh, 1978. June 21. Telegram (cable). Confidential (Declassified/Released 20.03.2014).

[28] Очень влиятельная фигура, генерал Ливанского маронитского ордена, один из лидеров Маронитской лиги, как считается, оказывавший помощь ополчению Танзим, входившему в ЛФ.

и получит ее. Традиционные соперники-мусульмане в Триполи и Аккаре сомкнули ряды с Франжье, чтобы не допустить Катаиб»[29].

Епископ Джибран также предсказывал, что неизбежны акты мести со стороны Марады, и чем скорее это случится, тем легче это будет для страны. Сирийцы же, несмотря на свой неподдельный гнев, как ожидалось, не пойдут на прямое вмешательство, но будут поддерживать Франжье исподволь[30].

Еще один пример разнообразия политических пристрастий ливанских православных — депутат от Алея Мунир Абу Фадиль, сторонник ПСП и политический союзник молодого лидера друзов Валида Джумблата , а также его пресс-секретаря, депутата от округа Шуф Бахиджа Такиеддина. При участии Абу Фадиля и благодаря его миротворчеству прошла встреча по урегулированию отношений между жителями Шуфа и Алея: «По словам самого Абу Фадиля, темы, которые не были обнародованы, включают удаление ополченцев ПСП из некоторых районов Шуфа, а Валид Джумблат, в свою очередь, взял на себя обязательство ограничить своих последователей от сидения на корточках у христианских домов в районе Алей. Абу Фадиль даже надеется, что будущая встреча может свести его и Валида Джумблата с Камилем Шамуном и Пьером Жмайелем»[31].

В сообщении от 10 июля депутат Абу Фадиль упоминался в числе трех (другие двое — экс-премьеры Абдалла Яфи и Рашид Сольх) обратившихся к президенту Саркису с просьбой не уходить в отставку[32].

Другой православный, депутат и экс-министр Альберт Мухайбир, выражал тревогу (видимо, на правах сторонника Шамуна) за слишком жесткие действия ЛС по отношению к населению Восточного Бейрута и даже предлагал ввод армейских частей для урезонивания слишком рьяных ополченцев. Командование ЛС тогда заявило в ответ, что «любой ополченец, совершивший противоправные действия, будет уволен»[33]. Очевидно, Мухайбир понимал, что своими действиями боевики ЛС подрывают доверие к объединению ЛФ и настораживают тех христиан, которые не принадлежат к маронитской общине.

---

29 US Department of State. Syrian Support For Frangieh, 1978. June 21. Telegram (cable). Confidential (Declassified/Released 20.03.2014).

30 Ibid.

31 US Department of State. Lebanese Situation: June 30. 1978. Telegram (cable). Confidential (Declassified/Released 20.03.2014).

32 US Department of State. Lebanese Situation: July 10, 1978. Telegram (cable). Confidential (Declassified/Released 20.03.2014).

33 US Department of State. Lebanese Situation: July 25, 1978. Telegram (cable). Confidential (Declassified/Released 20.03.2014).

Женщины-бойцы ливанской христианской милиции
Из открытых источников

А в августе он выражал тревогу относительно возможности выхода сирийцев из Ливана, поскольку могла начаться, по его мнению, «резня христиан христианами»: сторонники Франжье жаждали мести, и их атакам после ухода сирийцев могла подвергнуться якобы не только родина Жмайелей Бикфайя, но и Ашрафия (Восточный Бейрут), где боевики Катаиб и Нумур наводили страх на население и грабили дома. Он оценивал падение поддержки этого альянса среди населения с 20% осенью 1977 г. до 5% к августу 1978 г.[34]

Когда сирийцы продолжали обстрел христианских кварталов Восточного Бейрута с целью выбить оттуда Катаиб и Нумур (фалангистов Жмайеля и ахраров Шамуна), православные деятели вновь выступали в роли миротворцев. В частности, сирийский президент Хафез Асад специально встречался с Ф. Бутросом как представителем православных (от друзов — В. Джумблат, от шиитов — К. Асаад), а также с православным патриархом Илией IV Муаввадом[35] для обсуждения судьбы христиан в этих районах. Вскоре в составе делегации депутатов от Бикаа в Дамаске побывал православный М. Маалюли — в рамках сплачиваемой сирийцами коалиции против воинствующих кланов Жмайелей и Шамунов, куда помимо социалистов, насеристов и прочих должны

[34] US Department of State. Conversation With Albert Moukheiber, 1978. August 21. Telegram (cable). Confidential (Declassified/Released 20.03.2014).

[35] US Department of State. Assad's Dilemma, 1978. July 14. Telegram (cable). Confidential (Declassified/Released 20.03.2014).

были войти также друзы-прогрессисты и «сирианисты» (СНСП) с христианским большинством в своем составе[36].

Тем временем ситуация в Восточном Бейруте, оплоте ЛС, ухудшалась. Важные сведения сообщал американцам православный епископ Гавриил Салиби, исполнявший обязанности местоблюстителя митрополита Бейрутского после кончины митрополита Ильяса [Илии] Салиби. В сентябре он называл такие цифры: из порядка 6 тыс. православных семей, живущих в Ашрафии , 2,5 тыс. выехали, а 3,5 тыс. остались. «Те, кто уехал, большей частью отправились в горы, где у них были дома или родственники. Очень немногие из них (несколько сотен) жили при монастырях или школах. Из 15–16 тыс. маронитов район покинули, вероятно, 80%»[37].

Далее епископ Гавриил сообщал, как передавал резидент, что «положение православной общины становится все более сложным из-за экономической стагнации и ухудшения ситуации с безопасностью. К нему приходили люди из порядочных семей, жившие ранее в благополучных условиях, и просили денег на хлеб. Православная церковь в настоящее время имеет очень мало доходов, но имеет значительные расходы, связанные с православной больницей, ежемесячный дефицит которой составляет 300–400 тыс. фунтов. Они тратили свои сбережения, чтобы поддерживать бюджет, но вскоре им пришлось сократить расходы на больничный персонал. <...> Он говорил Жмайелю и Шамуну, что их тактика угрожает выживанию православной общины, но они проигнорировали это. Пьер Жмайель объяснил, что марониты борются за спасение Ливана. Ему, видимо, было все равно, что будет с православными. Салиби сказал, что православные не хотят воевать, как и многие марониты. <...> Он сказал, что, к сожалению, другие арабы не отличают маронитов от остальных ливанских христиан. Ливан сегодня выживает за счет денежных переводов, которые присылают ливанские христиане, работающие в Персидском заливе и Саудовской Аравии, многие из которых православные. Он опасался, что по мере ухудшения ситуации арабские правительства решат выгнать всех ливанских христиан — как православных, так и маронитов»[38].

Все упомянутые эпизоды с участием православных деятелей показывают, во-первых, чрезвычайную пестроту их политических пристра-

---

36 US Department of State. Syria Promotes Anti-Phalange-Chamoun Coalition, 1978 July 20. Telegram (cable). Confidential (Declassified/Released 20.03.2014).

37 US Department of State. Situation in Lebanon: Conversation with Greek Orthodox Bishop Ghofril Saleeby, 1978. Sept. 12. Telegram (cable). Confidential (Declassified/Released 20.03.2014).

38 Ibid.

стий, а во-вторых, их конструктивный настрой на сосуществование всех конфессиональных общин — особенно, конечно, православной — в рамках единого и неделимого Ливана. Их характеризовала сравнительно высокая гражданская активность, но не активизм в смысле завоевания во что бы то ни стало политических очков для своей общины.

Выводы

Приведенные сведения из документальных источников позволяют сделать несколько выводов о позиции ливанских православных в поворотный для гражданской войны 1978 г.

Во-первых, ясно, что участие православных деятелей на разных, в том числе самых высоких уровнях ливанской политики дает возможность утвердительно ответить на вопрос о существовании в ней «православного фактора». Правда, он не предстает единым и цельным: православные, как и в общем другие общины, не выступали с единых позиций и единым фронтом.

Во-вторых, отстаивание со стороны православных своих прав не означало выделения общины из числа других ни как наиболее достойной, ни как наиболее уязвимой; это не было узкоконфессиональным видением приоритетов, но в основном вписывалось в общегражданское понимание блага для страны при сохранении целостности ее общества и территории.

В-третьих, тот факт, что ливанские православные входили в самые разные партии и были приверженцами целого веера идеологий, позволяет выявить сходство их в этом отношении с представителями других ливанских конфессий. Это касается и вопроса внешних влияний, и особенно сирийского как наиболее чувствительного на тот момент. Как многие марониты или друзы входили, например, в СНСП или разделяли левые взгляды, так и православные находились в самых разных политических лагерях. Как одни маронитские деятели из Бикаа, например, или же мусульмане-сунниты шли на контакт с сирийцами, а другие нет, так и среди православных были как те, кто сочувствовал «правохристианскому» лагерю и противостоял сирийцам, так и те, кто находил целесообразным их миссию в Ливане в составе МСС.

Эти выводы дают основание, в том числе, для сомнения в действенности пресловутого понятия «политический конфессионализм» в Ливане. В 1978 г. особенно остро стали проявляться внутриобщин-

ные противоречия и даже столкновения. Волну убийств и мести вызвал раскол в стане маронитов после демарша Марады; по разные стороны баррикад стояли зачастую ливанские сунниты; уже через пару лет обозначится глубокая трещина в межшиитских отношениях. Поэтому если политический конфессионализм понимать как действия политических представителей и общественных лидеров с единых позиций — прежде всего в интересах своих общин, то многочисленные примеры показывают отсутствие такого единства позиций, вплоть до внутриобщинной вражды по идеологическим мотивам. Как оказывается, ливанские православные не составляли исключения в плане разнообразия идейных установок — от крайне «правых», националистических до «левых» (сирианистских, панарабских, интернационалистских).

Возможно, обращение к рассекреченным документам и их детальное изучение и в будущем будет способствовать более глубокой и дифференцированной проработке ставшего неким штампом понятия «политический конфессионализм». Для Ливана сейчас это особенно актуально: запрос на отход от клановой структуры политического поля, на демократизацию управления в ливанском обществе назрел. Как, впрочем, назрел и на всем арабском Востоке, где на наших глазах совершается широкое переустройство традиционных обществ.

Конфликт интересов
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests
The author declares no relevant conflict of interests.

Список литературы / References

1. Абу Зейд, Хикмат Амаль. *Институциональная революция в Ливане.* М.: ИВ РАН, 2022. 250 с.
   Abu Zeid, Hikmat Amal. *Institutional Revolution in Lebanon.* Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 2022. 250 p. (in Russ.)

2. Алиева С. *Палестинское движение сопротивления и арабские страны (1964–1976 гг.)*. М.: Наука, 1986. 180 с. (*Специальный бюллетень* / АН СССР, Институт востоковедения; вып. 4(243)).
Alieva S. *The Palestinian Resistance Movement and the Arab Countries (1964–1976)*. Moscow: Nauka, 1986. 180 p. (*Special Bulletin* / Institute of Oriental Studies of the USSR Academy of Sciences; issue 4(243) (in Russ.).
3. Тимофеев И.В. «*Среди серых стен и горячей пыли...*»: *Хроника ливанской трагедии*. М.: Молодая гвардия, 1984. 127 с.
Timofeyev I.V. «*Among the Gray Walls and Hot Dust...*»: *Chronicle of the Lebanese Tragedy*. Moscow: Molodaya Gvardiya, 1984. 127 p. (in Russ.).
4. Beydoun A. *Le Liban: itinéraires dans une guerre incivile*. Paris: Karthala; Amman, Cermoc, 1993. 236 p. (Collection «Hommes et Sociétés»).
5. Chamie Joseph. The Lebanese Civil War: An Investigation into the Causes. *World Affairs*. 1976/77;139(3):171–188.
6. Rowayheb Marwan George. Lebanese Militias: A New Perspective // *Middle Eastern Studies*. 2006;42(2):303–318.
7. Ма‘люли Мишель. *Ахдас ва мавакиф* [События и мнения]. Б/м.: Нофал, 2017 (На араб. яз.).
Ma‘luli Michel. *Ahdath wa mawaqif* [Soby`tiya i mneniya]. N/p.: Nofal, 2017 (in Arabic).

Сарабьев Алексей Викторович
Aleksei V. Sarabiev

Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН.
ORCID: 0000-0002-9796-2411

D.Sc. (History), Leader Research Fellow, Institute of Oriental Studies of Russian Academy of Sciences.
ORCID: 0000-0002-9796-2411

Поступила в редакцию / Received
21.10.2025

Поступила после рецензирования / Revised
14.11.2025

Принята к публикации / Accepted
03.12.2025